фантазерских формах, в которые выливался его романтизм, возникший из отвращения к слепой безотрадной жизни, к стихии мещанства.

Жизнь оборачивалась к герою романа очень невыгодными и удручающими сторонами. В первой части романа особенно ярко запечатлен тот обыденный и тоскливый мир, который готов был поглотить героя. В ряде картин романа образно выражена вся мертвенность и застойность провинциального угла, в котором дух русского мещанства сливался с вечной тоской азиатских диких равнин: «За крошечными окнами блистала широкая степная тишина. Каменные бабы торчали возле солончаковых озер. У тракта, по которому мчались лихие усатые почталыоны, беркуты рвали труп сдохшей лошади. Озера похожи на бельма, вокруг них камыши, за камышами — лога; а дальше на десятки и сотни верст заросли дикой клубники, где бродят пудовые жирные дрофы; а за дрофами — сосновые леса — «боры». В ряде эпизодов романа Вс. Иванов с большой силой показывает весь мрак, грубость, безвыходность «страшного мира» дореволюционной провинции. Тут и сцена дикого, кровавого избиения цыгана-конокрада, и сытый, застойный, убивающий душу купечески-мещанский домовый мир теток Фиоз, и разного рода уродства и похабства в городской обывательской среде, и такие, например, жанровые картины, которые, подобно полотнам передвижников, открывают перед нами страшный быт прошлого. «Возле чайной «Общества трезвости» три парня дрались толстыми сосновыми сучьями, топчась на месте, они старались ударить друг друга в голову. Из окна чайной вываливалась белокурая женщина, держа в зубах платок... Из глаз ее лились слезы, а за ее спиной причитала беззубая старуха: «На кого ты меня покидаешь...»

В этом мире человеческие мечты и порывы к чему-то иному, более достойному человека, облекались порою в причудливые и гротескные формы, уводившие людей на путь самых поразительных чудачеств и «выходок». Так возникает в первой книге романа тема «тщеславия», как нелепой формы придания жизни тому, в чем ее нет. Особенно интересен с этой стороны один из удачнейших образов книги — образ отца героя. Есть что-то комическое, величественное и жалкое во всех его жизненных предприятиях, питающихся одним «тщеславием». Его жизненный и служебный путь изображен как цепь необъяснимых тщеславных странностей, граничащих порою с каким-то отвлеченным подвижничеством. Бросив бедствующую семью, этот человек отправляется добывать диплом Лазаревского института восточных языков, имея в виду в будущем щеголять перед одностаничниками в красивом институтском мундире, он мечтает об открытии в казачьем поселке банка, здание которого предполагается выстроить... из алебаstra, детей он обучает арифметике, соединяя это с затейливыми танцами; надеясь пережить минуты торжества, он вербует добровольцем в армию на японскую войну и, когда процедура оказывается вполне прозаической, приходит в необъяснимое расстройство. Тщеславные странности отца в романе передают

всю мучительность житейской пустоты и никчемности, в которой оставалось лишь «выкинуться осетром на берег».

В первой части романа мы с увлечением следим за жизненными скитаниями героя, ищущего в окружающей его жизни чего-то интересного, соответствующего его напряженному романтизму, постоянно отталкиваемому от скуки и безобразия реальной жизни. В этой части романа психологически правдиво и поэтично рассказано о том, как мечтательность и романтический полет воображения наталкивались в жизни на глухую стену обыденного. Детские дневники героя, в которых он записывал «совсем не то, что случилось» с ним, а что-то «легкое и розовое», навеянное чтением романтических книг о неведомых островах, расположенных в южном море; влюбленность в таинственную девушку «под черной шляпой» и письма к ней, наполненные вычитанной экзотикой; привязанность к мечте об Индии, стране, полной удивительных вещей и открывающей перед человеком все тайны жизни, и, наконец, цирк, обыкновенный бродячий цирк, забредший в захудалый городишко и явившийся для героя каким-то символом всего самого необыкновенного, необычного, красочного, полностью завоевавший сердце героя, — это душевные приметы романтика, не находящего в обыкновенной, приниженной и цинично-материальной жизни пищи своему душевному томлению. «Деньги? Скот? Дом? Зачем мне все это? — рассуждает герой. — Торговать? Вот печатник Быков передоверил свою жену Варвару дедовскому приказчику Осипу Жде, а тот купил ему дом... И стал ли Быков счастливее?»

О многих потерях и разочарованиях рассказывает история похождения «факира» — юноши, ищущего в жизни красоты, смысла, силы и справедливости, утверждающего свое право на мечту и необыкновенный душевный мир в тяжелых схватках с жизнью, затягивающей его своим болотом. Отсюда в романе такая напряженная, порою искусственная, экзотика — стремление героя к Индии, цирк, стихи с отзвуками из Эдгара По — то есть все то, что никоим образом не связано с той прозаической жизнью, которая окружает героя. Однако это одновременно и трагедия не воплотимой мечты, мечты-муки: до Индии герой в его странствиях был бессилён дойти и обретался все время где-то возле Екатеринбурга, цирк тоже не сразу открылся для героя, первое его выступление на арене в качестве борца окончилось позором. Герой мечтал, что высоко, «чуть ли не у Млечного Пути», он протянет проволоку и «понесется» по ней, «кодетый в огненное трико», а в действительности все было иначе — «борец положил меня в несколько секунд, щелкнул по заду и уныло сказал: «Туда же лезешь, сопляк». Мы видим, как порою отчаяние охватывает героя, когда он ощущает всю несовместимость своей мечты с пошлой действительностью, и тогда из уст его вырываются горестные и обличительные монологи по адресу мира темной жестокости, обывательщины и сытости, в который превращен этот прекрасный земной мир: «Ну зачем нужен мне был этот детский лепет об индийском принце, об Индийском океане, о далеких островах? Вымаливать у мещан веру в дикую и нелепую выдумку: разве в этом заклю-